

10. Примаков Е. М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М., 2014. 320 с.
11. Осипова Н. Г., Афанасьев В. В. Европейская социология. М., 2010. 368 с.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 375 с.
13. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. М., 2003. 380 с.
14. Осипов Г. В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М., 1997. 208 с.
15. Дамаскин О. В. Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности. М., 2007. 429 с.
16. Попов-Ладанов С. И. Тимофеев сын Ермак. К 450-летию присоединения Сибири к России (1550–2005 гг.). Барнаул, 2007. 184 с.
17. Макаров В. В. Казачество и власть: путь к очевидному // Казачество как фактор исторического развития России. СПб., 1999. С. 15–17.
18. Карасев А. Казаки: Народ или социальная структура? // Русский журнал. 20.10.2011. С. 27–35.
19. Севастьянов А. Не бойтесь неизбежного // Русский национализм, его друзья и враги. М., 2001. 288 с.
20. Троицкий Е. Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. М., 1989. 272 с.
21. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. 189 с.
22. Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. 278 с.
23. Русские старожилы Сибири: историко-антропологические очерки. М., 1973. 325 с.

М. Ф. ЕРШОВ

МЫСЛИМОЕ ОБИТАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО В «ПРЕСНОВСКИХ СТРАНИЦАХ» И. П. ШУХОВА

Известный советский писатель Иван Петрович Шухов (1906–1977 гг.) на закате своей жизни создал цикл автобиографических повестей «Пресновские страницы». В них представлены картины его детства в казачьей станице Пресновской накануне грозного 1914 г. Допустимо утверждать, что помимо несомненных литературных достоинств в данном произведении содержится исторически значимая информация о повседневной жизни и об общественно-бытовых отноше-

ниях в среде сибирского казачества начала XX в. Отвлекаясь от анализа ряда иных столь же интересных сюжетов, присутствующих в «Пресновских страницах», мы поставили своей целью воспроизвести образ того мыслимого пространства, который был характерен для жизни его родной станицы.

«Пресновские страницы» не дают развернутого топографического описания «малой родины» будущего писателя. Что неудивительно. Деревянная Россия частенько горела. Не случайно, что первым сохранившимся ярким впечатлением четырехлетнего мальчишки был страшный пожар в 1910 г. Немного уцелело от него в выгоревшей почти дотла станице: «Церковь. Пожарная каланча. Здание станичного правления. Кабак с домом целовальника. Начальная школа. Войсковые склады холодного оружия, походного снаряжения и провианта, стоявшие на отшибе за древними крепостными валами. И около десятка кондовых домов пресновской знати, в большинстве своем примыкавших к обширной церковной площади. То были дома здешних купцов и скотопромышленников — приписных, не потомственных казаков станицы — Фоминых, Немировых, Коркиных, Стрельниковых, Бронских, Боярских» [3, с. 317–318].

На фоне недолговечных мирских строений особое место в локальном казачьем социуме станицы Пресновской занимал приходской храм с колокольней, на которой висел знаменитый колокол, способный своим голосом спасти зимой в непогоду заблудившихся путников, что однажды и произошло со старшими братьями главного героя. С колоколом в произведении связана легенда о некогда живших наказном казачьем атамане и его дочери. Данные образы создают символическую вертикальную доминанту от сохранившихся погребений прошлых времен до небесного верха. Писатель художественными средствами воссоздает специфику самосознания станичных казаков.

В казачьей среде существовало устойчивое представление об их пограничном пребывании в земном мире. Есть Семиречье на границе с Китаем, где казаки проходили действительную службу, есть далекая цветастая Россия, есть казахские степи, есть другие страны. Для казаков российская действительность раскрывалась в основном эпизодически: во время пребывания на ярмарках или по пути к местам службы. Поэтому в глазах станичников жители Кургана, Шадринска, Ирбита представляли несколько стереотипно: в виде тороватых, фартовых, говорливых, веселых зазывал, барышников и торговцев [3, с. 458]. Приезжие были готовы везти в степи все что угодно, вплоть до запрещенных со-

чинений [3, с. 428–429]. Взамен, особенно за бесценок, они старались купить пшеницу и мясо [3, с. 443]. Участие торговцев в рискованных коммерческих операциях, где можно не только разориться, но и голову потерять, роднило этих людей с казачьей средой, также не чуждой предпринимательства.

Жители станицы Пресновской воспринимали качественные различия в населенных пунктах и их жителей, с которыми поддерживали эпизодические или постоянные контакты. Подвыпившие старички в гостях у родителей мальчика обсуждают ярмарки, на которые им желательно попасть: «Куртамыш чо. Вот в Куянды бы на Ильин день махнуть — от тама ярмарка! Конски бега — байга! Байски той — кумыс рекой! Кыргызня! Цыганье! Жулье. Грабежи среди бела дня! Конкрадов жердями бьют! Смртоубийства! Разбои! Не ярмарка — светопреставление!»

Характерна реплика одного из участников разговора, противопоставившего эту степную ярмарку, другой, чисто российской: «Куртамыш, да, — нашенский. Расея!» [3, с. 390]. Можно предположить, что выгодная поездка на ярмарку, особенно за пределами русских земель, отчасти воспринималась казаками как эмоциональная разрядка, выход из обыденности, как действие близкое к опасным, но увлекательным военным приключениям.

Реконструируя свои детские впечатления И. П. Шухов отнюдь не стремился к детальному раскрытию социально-экономических процессов в Степном крае. Поэтика авторских описаний собственного детства откровенно противостоит миру взрослых. И в то же время ненавязчиво, на множестве примеров, он продемонстрировал как коммерческие отношения проникали в казачью среду. Рыночные механизмы вели к постепенному расслоению казачьего сословия. У казачьей верхушки реализуются соблазны использовать дешевый труд разоренной безлошадной казахской бедноты. У кого-то из казаков паслись тысячные стада лошадей, а кто-то влезал в долги, чтобы купить коня для службы. Так старшие взрослые братья мальчика были вынуждены зимой подрабатывать извозом. Они доставляли к уездному Петропавловску и железнодорожным станциям на Великой Сибирской железной дороге Кургану, Макушину, Петухово пшеницу, сало, сливочное масло, мясо и коженное сырье. Отец писателя перегонял гурты скота, дружил с казаками и хорошо знал казахский язык.

Казаки в поисках заработка возили купеческие грузы еще дальше на запад и север: в Куртамыш, на Крестовскую ярмарку под Шадринском,

в знаменитый на всю Россию Ирбит. «Порожняком в станицу возчики не возвращались. Через Пресновку — перевалочный пункт — засылались в глубинные степи тугие купеческие тюки с красным, аршинным, как тогда еще говорили, товаром: ситцем, миткалью, бязью, вельветом, шелком и бархатом — для степных весенних и летних торжищ с кочевыми казаками в Каракалах, в Куяндах, в Атбасаре, в Баянауле. Шли туда же через Пресновку из глубин России и колониальные и галантерейно-скобяные товары. Комковой, головчатый сахар. Караванный индийский и цейлонский плиточный чай. Позумент. Дешевые дутые серьги под золото. Латунные с чернью браслеты, похожие на серебро. Чугунные казаны. Украшенные медными узорами сундуки. Деревянные круговые пиалы. Ведерные тульские самовары. Все эти товары имели большое хождение среди кочевников» [3, с. 325].

Автор хорошо показал, как мифические представления, присущие традиционной культуре, постепенно вытеснялись конкретной информацией. В поисках выгоды в степные малозаселенные просторы двигались предприниматели, открывающие для казаков большой реальный мир. Благодаря им у богатеющих «станичных тузов» появились импортные сельскохозяйственные машины заводов Мак-Кормика и Рандруппа: сенокосилки, лобогрейки, сеялки, молотилки, бороны, плуги [3, с. 425–426]. В станице слушали граммофон, принадлежащий акцизному чиновнику, а старшая сестра главного героя Дуня зарабатывала на жизнь швейной машинкой «Зингер» [3, с. 318, 337].

В тоже время в казачьей среде сохранялось и чувство неразрывной связи с подвигами предков, с теми, кто служил в императорском конвое или воевал под знаменами прославленных генералов. Задача казаков — защита Отечества. Их патриотизм был негромок и лишен национального чванства. Казаки, не понаслышке знакомые с войной, уважали своих противников, их личное мужество. Они прекрасно отдавали себе отчет, что наша Россия не лишена недостатков, но от этого не любили ее меньше. Их особое положение — пахаря и воина — требовало и особого воспитания, которое начиналось с раннего детства. Основными педагогами и информантами о родной земле и значимых исторических событиях, о ратной службе выступали люди старших поколений. Интересно, что старики в «Пресновских страницах», хотя они и не все были грамотные, обладали сведениями о виднейших представителях российской политики и культуры: о графе Толстом, о Пржевальском, о Скобелеве, «портреты которого украшали передние углы почти всех горниц в станицах нашей Горькой линии» [3, с. 402]. Их географиче-

ские познания были, пусть и разрозненными, но достаточно обширными: Китай, Балканы, Туркмения, Япония, США. Через рассказы ветеранов подрастающие казачата впитывали славные традиции и ту историческую память, которые хранили старшие поколения станицы Пресновской.

Детство И. П. Шухова протекало в удивительном крае. Здесь быстро развивалась экономика, но и природа еще не утратила своего девственного очарования. Здесь вперемешку жили казахи, сибирское казачество русские и украинские переселенцы. Здесь шло взаимообогащение разных этнических культур: перенимались хозяйственные приемы, приготовление блюд, песни. Многозначность мыслимого пространства, в котором органично сочетались хозяйственные успехи, чудеса природы, казачьи традиции, легенды и предания, содействовала процессам осознания себя и своего места в этом мире. Далеко не случайно, что Степной край начала XX в. подарил нашему Отечеству ряд выдающихся литераторов. В этой славной когорте выделяются И. П. Шухов и В. В. Иванов с автобиографическими сюжетами в своих произведениях.

Можно утверждать, что «Пресновские страницы», созданные талантом И. П. Шухова, обладают ценностью исторического источника. В этом источнике хорошо показан мир детства, повседневная жизнь, и исторические воззрения в среде казачества. Авторское преклонение перед прошлым выглядит почти вызывающе: в советское время казачьи станицы, их церкви и культура повсеместно пришли в упадок [1]. И. П. Шухов великолепно знал о проблемах своей малой родины [2]. Поразительно даже не то, что писатель создал почти идиллическую картину казачьего быта и благоразумно остановил события своего повествования непосредственно перед началом очередной российской Смуты. Важнее иное. Благожелательное отношение официальных властей к писателю и его лирическим описаниям той «России, которую мы потеряли». До Перестройки и распада СССР оставалось еще почти два десятка лет, но переоценка и постепенная реабилитация дореволюционного прошлого уже шли полным ходом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Преображенский С. О прожитом // Урал. 2007. № 8. С. 179–195.
2. Шестериков В. Певец лебединого края // Байтерек. 2006. № 5. С. 28–29.
3. Шухов И. Пресновские страницы // Отрочество: Повести. Вып. IV. М., 1990. С. 316–484.